

И. П. МЕДВЕДЕВ

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС В ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ В ОСВЕЩЕНИИ НОВЕЙШЕЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди многих проблем, вставших в последнее время перед исследователями в связи с изучением истории поздней Византийской империи, пожалуй, наиболее злободневной оказалась проблема той роли, которую играли народные массы в социально-политическом и конституционном развитии Византии этого периода. Ряд работ на эту тему появился в последнее десятилетие и в буржуазной историографии. Чем же характеризуются взгляды буржуазных исследователей в этом вопросе? Не претендуя на исчерпывающий в библиографическом отношении анализ зарубежной литературы, ограничимся лишь разбором некоторых наиболее показательных работ.

Продолжая исследования Диля, Штейпа, Трайтингера, Христофилопулу, Караниса и других историков, буржуазная историография наших дней особое внимание уделяет народным массам как конституционному фактору, взаимоотношениям константинопольского «народа» с другими элементами византийской «неписанной конституции» (выражение Малафосса),¹ а именно с армией и особенно с сенатом. «Пожалуй, не будет преувеличением, — говорит западногерманский ученый Х.-Г. Бек, — видеть в сенате и народе Константинополя составные части (Bestandteile) и движущие силы (Triebkräfte) политической жизни, которые занимают в рамках византийского строя место конституционных органов, если не закрывать глаза на неопределенность понятия «конституционный орган» в рамках конституции, кото-

¹ Malafosse J. La monocratie byzantine. — In: La monocratie, Bruxelles, 1969, p. 48. Любопытные соображения методологического характера относительно византийской конституции, которую он склонен трактовать как обычное конституционное право (Verfassungsgewohnheitsrecht), высказал Пилер. См.: Pieler P. E. Zum Problem der byzantinischen Verfassung. — Jahrb. Österr. Byz., 1970, Bd. 19, S. 51—58.

рая как таковая происходит из иррациональной сферы римского принципата».²

В сущности, говоря об участии народа в конституционном развитии Византии, буржуазные ученые имеют в виду проблему так называемой народной ассамблеи — непериодического, время от времени созываемого правительством или стихийно возникавшего (особенно в периоды народных волнений) собрания различных слоев городского, чаще всего константинопольского населения. В своем исследовании Бек тщательно прослеживает всю традицию созыва такого рода сборищ, начиная с ранневизантийских «силентиев» и кончая поздневизантийскими «ассамблеями», и приходит к весьма любопытным выводам. Оказывается, за весь тысячелетний период существования Византии эта традиция прервалась один раз — придя в упадок в эпоху господства военной аристократии Комнинов, она полностью исчезла с завоеванием Константинополя крестоносцами. Что же касается поздневизантийского периода, то «после отвоевания Константинополя народу снова удалось осуществить свои старые «права» в почти парламентских формах».³ Однако, оговаривается Бек, это ни в коем случае не означает победы «демократического» принципа над аристократическим. По его мнению, это скорее всего явилось результатом затянувшегося процесса сокращения территории Византии, «вследствие чего население столицы империи не только выступало в качестве представителя всего населения империи, но постепенно становилось тождественным народу империи. Положение империи (палеологовского периода, — *И. М.*) — это положение осажденной крепости, в которой командующий и гарнизон связаны друг с другом до гробовой доски». Наконец, именно в „парламентской“ активности народа усматривает Бек причину того, что «византийская монархия фактически уже не рассматривается как абсолютная». «Говорить об абсолютной монархии в Византии, — подчеркивает он, — это значит возвратиться к культивируемой двором, его риториками и энкомиастами идеологии».⁴

Специально вопрос о роли народных масс в политической жизни поздней Византии и в частности вопрос о поздневизантийских «народных ассамблеях», их функциях, политической роли рассмотрел в ряде своих работ кипрский ученый К. Киррис.⁵

² Beck H.-G. Senat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966, S. 71—72. Перепечатано фототипически в кн.: Beck H.-G. Ideen und Realitäten in Byzanz. Gesammelte Aufsätze. London, 1972, Art. XII (пагинация та же).

³ Ibid., S. 74. Курсив мой, — *И. М.*

⁴ Ibid.

⁵ Kyrris C. P. 1) The political organization of the byzantine urban classes between 1204 and 1341. — Études présentées à la Commission Internationale pour l'Histoire des Assemblées d'États (-Liber Memorialis Antonio Era). Bruxelles, 1963, p. 19—32; 2) The social Status of the Archontes of Pha-

Привлекая для своих исследований весьма солидный арсенал источников, но игнорируя существование определенной традиции созыва этих собраний, Киррис начинает историю «народной ассамблеи» (а в его изображении она предстает в качестве определенного представительного органа, некоей византийской параллели парламентским учреждениям западноевропейских стран) с XII в. (с созыва подобного рода собраний Андроником I и Алексеем I). Киррис подчеркивает, что особенно важной роль народных собраний становится в XIII и XIV вв., когда они заменили собою димы и политические партии, исчезнувшие в XI в.⁶ Именно через ассамблею, в состав которой, как правило, входили солдаты, представители духовенства, купеческих и ремесленных кругов, «влиятельные лидеры народных классов» и которая созывалась не только в столице империи, но и в Фессалонике, Арте, Фомакастроне и других городах (особенно при Андронике III), народ оказывал прямое или косвенное влияние на формирование и проведение в жизнь фискальной политики византийского правительства. В то же время Киррис неоднократно оговаривается, что «народная ассамблея», не обладая и тенью законодательных прав и имея своим единственным полномочием «ратификацию фискальных мер и выборы должностных лиц для некоторых общественных служб»,⁷ была по существу «инструментом в руках господствующего класса». «Народные ассамблеи», — говорит он, — первоначально созывались для того, чтобы информировать народ о фискальных мерах и просить одобрения этих мер, в частности дополнительных пошлин и налогов, а также важных политических решений в критические времена. Такие ассамблеи созывали и председательствовали на них правитель, представитель знати, сам император, епископ или другой деятель церкви, демагоги. Какова бы ни была подлинная компетенция этих ассамблей, она никогда не предполагала ни права критики правящих классов, ни права законодательной деятельности в фискальных и других вопросах, так как это всегда было компетенцией βουλῆς, судей, магистратов и императора. Фактически ассамблеи были всегда административными инструментами правящего класса, за исключением периода революций, когда они начинали играть важную роль».⁸

nari in Thessaly (1342). — Hellenika, 1964, 18, p. 73—78; 3) Representative Assemblies and Taxation in the Byzantine Empire between 1204 and 1341. — XIIe Congrès international des sciences historiques: Etudes présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des assemblées d'Etats. Louvain—Paris, 1966, p. 45—54; 4) Gouvernés et Gouvernants à Byzance pendant la révolution des zelotes (1341—1350). — In: Gouvernés et Gouvernants, t. 23, 1968, p. 271—330.

⁶ Kyrris C. P. 1) The political organization, p. 27; 2) Gouvernés et Gouvernants, p. 277.

⁷ Kyrris C. P. 1) The political organization, p. 28; 2) Gouvernés et Gouvernants, p. 278—279.

⁸ Kyrris C. P. 1) Representative Assemblies, p. 49; 2) Gouvernés et Gouvernants, p. 279. Любопытно отметить, что Э. Вернер, ссылаясь

По поводу этих утверждений кипрского ученого западногерманский византинист Г. Вайс замечает, что он, Вайс, несколько по-иному оценивает роль масс со времени правления императора Андроника II: «Народ — это сила, с которой „правлящие“ волей или неволей выпуждены были считаться. Умаление роли народа в эпоху Комнинов задело и „правлящих“, т. е. членов сената».⁹ Сам Вайс уделил большое внимание роли народных масс в своей монографии о Кантакузине. В отличие от Бека, Кирриса и других историков, оперирующих в высшей степени абстрактным понятием «народ», Вайс стремится выяснить содержание терминов, встречающихся в источниках и употреблявшихся для обозначения различных социальных групп византийского общества, в том числе и народных низов.¹⁰ Не обходит он вниманием и проблему «народных собраний», которые, по его мнению, принадлежали к стабильным учреждениям городской жизни Византийской империи XIV в., и притом не только в столице и таких крупных городах, как Фессалоники и Адрианополь, но и в мелких провинциальных городах (Визия и др.). Эти собрания не только исполняли функции совещательного органа, но и принимали важные решения. Народ пользуется правом обсуждения (*Mitspracherecht*), которое, правда, «сильные» стремились всячески урезать (события в Адрианополе в 1342 г.), однако нет данных, которые бы говорили за то, что на эти собрания когда-либо оказывалось давление. Как раз пример провинциального города Визии отчетливо показывает, что *δημος* в народном собрании принимал решения наравне с представителями *ἀριστοι* и клира (ссылка на *Sant.* III, 79; II, 490 сл.). То же в Веррии: народное собрание, затем собрание по одному посланцу от народа, клира и *ἀριστοι*.¹¹ Вайс заключает: «Итак, *δημος*, клир и *ἀριστοι* (или соответственно *δυνατοι*) представляют в XIV в. город в политических вопросах».¹²

Французский исследователь Л.-П. Рейбо в своей монографии о византийской администрации «при первых Палеологах» также уделяет известное внимание проблеме «народа» как конституционного фактора. Сделав оговорку в том смысле, что роль народных

именно на указанные работы Кирриса, утверждает, будто народные собрания (*Volksversammlungen*) «превратились из инструментов господствующего феодального класса в подлинные совещательные органы (*echte Beratungsorgane*) с правом принимать решения». См.: *Werner E. Gesell — schaft und Kultur im XIV Jahrhundert: sozial-ökonomischen Fragen.* — In: *Actes du XIVe Congrès International des études byzantines, t. I.* Bucarest, 1974, p. 107.

⁹ *Weiß G.* Рец. на ст.: *Kyrris C. P. Gouvernés et gouvernants.* — *Byzantinische Zeitschrift*, 1974, Bd. 64, S. 377—378.

¹⁰ *Wei ß G.* *Johannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert.* Wiesbaden, 1969, S. 70—72.

¹¹ *Ibid.*, S. 76.

¹² *Ibid.*, S. 74—75, 88.

масс в жизни Византии с трудом поддается объяснению,¹³ Рейбо тем не менее формулирует четкое положение: «константинопольский *λαός* играл ту конституционную роль, которую ему обеспечивала традиция».¹⁴ Отмечая участие народа «в собраниях, составленных из представителей всех классов общества», этот ученый выступает, однако, против мнения о широком распространении практики подобного рода собраний (особенно при императоре Андронике II Палеологе, на 46-летнее царствование которого приходится лишь три случая созыва таких собраний, да и то, как отмечает Рейбо, «в этих трех случаях мы имеем дело с разными фракциями населения») и приходит к выводу, что политическая роль этих ассамблей была весьма незначительной.¹⁵

Большую и полезную работу проделал греческий ученый Цирпанлис, который составил подробный реестр византийских ассамблей с 1081 по 1351 г., основательно изучил терминологию и дал (впервые) обоснованную их классификацию, отделив столичные ассамблеи от провинциальных, заседания сената от «всенародных ассамблей» и «феодальных парламентов», развившихся на латинском Востоке после четвертого крестового похода. Рассматривая состав народных собраний в Византии этого времени, Цирпанлис сделал вывод о том, что они отличаются от ранневизантийских ассамблей именно охватом всех классов общества, причем, по его мнению, особенно усилилось в «византийских парламентах и ассамблеях» XIII—XIV вв. представительство «народного элемента и низших социальных классов». По существу Цирпанлис рассматривает поздневизантийское государство как государство сословного типа, называя императоров Андроника II и Андроника III, а также представителей комниновской династии «Эдуардами Первыми Востока», хотя и подчеркивает, что в средневековой Византии никогда не было потребности в писаной конституции или в Magna Carta.¹⁶

Следует также отметить, что из представлений всех названных выше ученых о роли народных масс в конституционном развитии Византии логически вытекают их взгляды на роль социальной и классовой борьбы, которая развернулась в это время в Византии, в частности их трактовка крупнейшего народного движения — восстания зилотов в Фессалонике в 1342—1349 гг. Разумеется, им (как и всякому, кто обращается к изучению восстания зилотов) пришлось прежде всего занять определенную позицию в вопросе о принадлежности трактата Николая Кавасилы «Слово о должно-

¹³ Raybaud L.-P. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1354). Paris, 1968, p. 139.

¹⁴ Ibid., p. 140.

¹⁵ Ibid., p. 141.

¹⁶ Tsirpanlis C. Byzantine Parliaments and Representative Assemblies from 1081 to 1351. — *Χρονικόν*, 1973, t. 5, p. 28—71 (перевод: Byzantion, 1974, t. 43, p. 432—481).

стных лицах, совершающих противозаконные действия в отношении священных предметов» к кругу источников по истории восстания зилотов. Ибо известно, что этот трактат, одно время считавшийся важным источником по истории восстания зилотов, был объявлен новейшим его издателем, американским историком Игорем Шевченко, не имеющим никакого отношения к этому восстанию.¹⁷

Это утверждение в корне меняет наши представления о характере восстания зилотов, поэтому неудивительно, что ученые сразу же размежевались на призвавших эту точку зрения (к ним относятся Феохаридис, Деннис, Харанис, Мейендорф, Острогорский¹⁸) и непризнавших ее (Грохова, Франчес, Горянов и др.).

Двое из упоминавшихся ранее ученых (Л. П. Рейбо и Г. Вайс) безоговорочно признали точку зрения Шевченко. Рейбо считает, что Шевченко, удалив трактат Кавасилы из круга источников по истории восстания зилотов, тем самым «разделался» с представлением о революционном характере этого восстания.¹⁹ Вайс же не только поддержал Шевченко в том, что касается «антизилотского диалога» Николая Кавасилы, но и подверг сомнению ценность сведений, которые дает о зилотах Иоанн Кантакузин. «Кантакузин, — пишет он, — настолько тенденциозно изобразил зилотов, что нельзя составить о них никакого надежного исторического представления, если не найдутся новые источники».²⁰ Что касается Кирриса, то он еще раньше выступил с серьезными возражениями по поводу концепции Шевченко²¹ и в своей работе снова декларирует свое несогласие с ней. Он считает, что в своей «антикритике»²² Шевченко не учел сравнения текстов, сделанных им, Киррисом, а что касается аргументов палеографического порядка, выдвинутых американским ученым, то они, по мнению Кирриса,

¹⁷ Ševčenko I. Nicolas Cabasilas «antizealot discourse» a reinterpretation. — *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 11, 1957, p. 79—171.

¹⁸ М. Я. Сюзюмов назвал публикацию И. Шевченко «сенсационной» и полностью присоединился к представлению о трактате Кавасилы как «обычном» в византийской литературе сетования церковника по поводу использования светскими властями церковных имуществ и симонии», связывая эти жалобы с секуляризацией монастырских имуществ в Фессалонике в начале 80-х г. XIV в. и считая, что нет никаких оснований относить «слово» ко времени восстания зилотов. См.: Сюзюмов в М. Я. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — *Византийский временник*, т. 28, 1968, с. 17—19. В последнее время точку зрения Шевченко признал ранее отрицавший ее Э. Вернер и подтвердил свою солидарность с ним Харанис. См.: Wegner E. *Gesellschaft und Kultur*, p. 105; Charanis P. *Observations on the «Anti-Zelot» Discours of Cabasilas* — *Revue des études sudest européennes*, 1971, t. 9, p. 369—376.

¹⁹ Raybaud L.-P. *Op. cit.*, p. 43.

²⁰ Weiß G. *Johannes Kantakuzenos*, S. 101.

²¹ Kyrris C. P. 'Ο Κύριος Ἀρχιεπίσκοπος Θεσσαλονίκης Ἰάκινθος (1345—6) καὶ ὁ ρόλος του εἰς τὸν Ἀντιπαλαμῆτικόν Ἀγῶνα. — *Κυπριακὰ Σπουδὰι*, 1961, XXV, σελ. 89—122.

²² Ševčenko I. A postscript on Nicolas Cabasilas «Anti-Zelot» Discourse. — *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 16, 1962, p. 403—408.

неубедительны, так как основаны на гипотезах.²³ Очевидно, дискуссия не может считаться завершённой, и есть все шансы предполагать, что на сей раз принцип отрицания отрицания сыграет в пользу противников точки зрения американского ученого.

Соответственно каждый из упомянутых выше авторов строит свою концепцию восстания зилотов. Рейбо подходит к проблеме весьма формально и поверхностно. В соответствии с основной тенденцией своей книги — «исправить испорченное марксистами-историками понимание истории поздней Византии» (это слова не Рейбо, но они полностью соответствуют духу книги и всем высказываниям автора, а также той «высокой» оценке, которую дал книге в «предисловии» к ней Малафосс), Рейбо выступает против историков-марксистов (ему известны только работы М. В. Левченко и В. Гроховой), которые якобы утверждают, что зилоты вели борьбу против феодалов, ослабленных междоусобными войнами, и что поражение зилотов объясняется союзом двух борющихся за власть феодальных группировок — Кантакузина и Иоанна V. По мнению Рейбо, восстание было вызвано узурпацией императорского трона Иоанном Кантакузином и носило сугубо легитимный характер. Рейбо не доверяет даже Кантакузину, который утверждает, что защита законности была только предлогом и что восстание явилось выражением социального антагонизма. Поскольку, говорит он, у Анны Савойской были сторонники «во всех классах» общества Солуни, а часть знати «и среднего класса» стали на сторону Кантакузина и поскольку, наконец, восставшие объединяли в своих рядах как моряков и ремесленников, так и *μεσοί* и их вождей, архонтов города, то а priori можно предположить, что не было никакого социального раскола. Рейбо делит все события на три периода: 1342—1345 — борьба против узурпатора, 1345—1347 — «режим, который трудно квалифицировать» и 1347—1349 — период автономии, который Рейбо склонен рассматривать как последнюю фазу борьбы городов за приобретение привилегий, хотя и оговаривается, что «было бы слишком рискованно делать из Фессалоники архетип повстанческой коммуны, ибо связи с центральным правительством не были прерваны».²⁴

По существу с Рейбо солидарен в оценке восстания зилотов и Вайс, уделивший, однако, ему несравненно больше внимания. Не ограничившись восстанием зилотов, Вайс учитывает и данные

²³ Kyrris C. P. *Gouvernés et Gouvernants*, p. 289, note 82.

²⁴ Raybaud L.-P. *Op. cit.*, p. 143—144. Малафосс, столь высоко оценивший книгу Рейбо, придерживается, однако, иной точки зрения на восстание зилотов. По его мнению, оно «имело характер гораздо более социальный, нежели политический. Последовавшее в результате этого отпадение (*sécession*) могло некоторое время наносить ущерб целостности империи, но оно не имело никакого отношения к ее монархической конституции. Известная часть элиты, правда, могла бы возобновить традиции афинской демократии, но после 1345 г. большая часть интеллигенции воспротивилась режиму зилотов». См.: M a l a f o s s e J. *La monocratie byzantine*, p. 47.

источников о волнениях в Скопелосе, Рентине, Дидимотике, Гра-
тиануполе, Адрианополе,²⁵ но выводы, к которым он приходит, от-
нось к настойчивым стремлениям Вайса лишить народные волнения
этого периода их социального характера, свести их к участию на-
рода в династическом споре, к политической борьбе за «законного
императора» на том только основании, что у палеологовской пар-
тии, на стороне которой выступали народные массы в период
гражданской войны, «не было никакой социальной программы...»,²⁶
отсутствовали лозунги, характерные для современных революций,
отсутствовала всякая социально-революционная программа, от-
сутствовали всякие данные о том, что ликвидация собственности
„лучших“ в принципе стала на повестку дня. Грабежи случаются
в каждой войне, и в Адрианополе они производились в равной
мере как династами, так и народом».²⁷ Что касается непосред-
ственно зилотов, то и их действия, по Вайсу, «невозможно
понимать как результат продуманной программы и социальных ло-
зунгов... Здесь спонтанно прорвалась ненависть против полити-
ческих противников (*παράδαλλοι* тоже подвергались грабе-
жам!) и против социальных верхов».²⁸ Ни один из терминов не ка-
жется Вайсу подходящим для обозначения роли народных масс
в событиях гражданской войны — ни «социальные беспорядки»,
ни понятия «революция», «народное восстание», «классовая
борьба». Соответственно зилоты в его представлении — это eine
kleine Agitationsgruppe, а все народное движение после 1341 г. —
совершенно новое явление не только в византийской истории, но
и в истории Средневековья вообще.²⁹ В чем состоит эта повизна и
уникальность — остается загадкой, но зато явно проступает
стремление автора с помощью запутанных рассуждений лишить
движение зилотов всех признаков социального восстания.

Таким образом, мы видим, что у буржуазных историков, пы-
тающихся обойтись без трактата Кавасилы при характеристике
движения зилотов, коренным образом изменились и представле-
ния о характере этого движения, причем, на наш взгляд, измени-
лись не в сторону ясности. Зато Киррис, отстаивающий правомоч-
ность «Слова» как источника по истории восстания зилотов, про-
должает рассматривать последнее как «социальную революцию»,
а зилотов как «партию революционеров», сложившуюся в педрах
корпораций, или, вернее, в рамках народной ассамблеи. Социаль-
ной базой «революционной партии зилотов» были, по мнению
Кирриса, моряки, обезземеленные и ушедшие в города крестьяне,
«все люди средних и низших классов», но ключевые позиции

²⁵ Weiß G. Johannes Kantakuzenos, S. 79—80.

²⁶ Ibid., S. 83.

²⁷ Ibid., S. 84.

²⁸ Ibid., S. 101.

²⁹ Ibid., S. 84—85, 101—102.

в партии удерживались знатью.³⁰ Под давлением моряков и париков (зависимых крестьян), зилоты разработали программу крупных социальных реформ, предусматривавших, между прочим, конфискацию и секуляризацию светской и церковно-монастырской феодальной собственности.³¹ Киррис усматривает даже наличие аграрной программы у зилотов: распределение конфискованной у богачей собственности среди париков, освобождение последних (по крайней мере на некоторое время, — замечает он) от крепостной зависимости и т. д. «Эта филантропия, по словам автора, ставшая оружием в руках революционеров, подчеркивала всемогущество власти, установленной ими».³² Правда, зилотские вожди знатного происхождения стремились уменьшить политическую активность своих «коллег», выходцев из народа.³³

Столь же традиционно радикальную оценку дает восстанию зилотов и греческий ученый А. Вакалопулос в своей книге о Фессалонике. По его мнению, гражданская война в Византии и личное соперничество главы военной олигархии Иоанна Кантакузина и «лидера демократической партии» Алексея Апокавка фактически привели к классовой борьбе: «...один класс стремился сохранить свои привилегии, в то время как другой старался сбросить иго». Говоря об ущербе, причиненном стране гражданской войной, Вакалопулос особенно подчеркивает исчезновение класса крестьян, которые в поисках убежища уходили в города и крепости. «Создание голодающего пролетариата внутри больших городов, таких как Фессалоники и Адрианополь, имело следствием подрыв всего социального строя в самых его основаниях. Одновременно городское сословие (οἱ μέσοι, буржуазия) стало формироваться в этих городах вместе с развитием торговли с Италией, прежде всего с Венецией и Генуей ... Это сословие стремилось также освободиться от опеки могущественного высшего класса и принимать участие в управлении общественными делами. Удобным поводом для этого стало соперничество между Апокавом и Кантакузином и готовность масс к революции».³⁴ Зилотов Вакалопулос характеризует как «демократическую партию», враждебную знати и богатым землевладельцам, вставшую во главе народа и буржуазии и выдвинувшую программу важнейших реформ — конфискации владений знати и богачей; конфискации доходов церкви с ее обширных поместий; уплаты прямых налогов и т. д.

К сожалению, Вакалопулос никак не определил своего отношения к проблеме источников по истории восстания зилотов (его книга лишена научного аппарата и носит скорее научно-попу-

³⁰ Kyrris C. P. *Gouvernés et Gouvernants*, p. 279.

³¹ *Ibid.*, p. 289.

³² *Ibid.*, p. 290.

³³ *Ibid.*, p. 295.

³⁴ *Vacalopoulos A. E. A History of Thessaloniki. Thessaloniki, 1972*, p. 56—59.

лярный характер), а это значительно снижает ценность его наблюдений. Примерно так же мы должны оценить высказывания австрийского ученого Г. Хунгера. В его представлении зилоты — это партия, которая пачертала на своих знаменах «социальную революцию». Политические зилоты, — пишет он (называя так зилотов Фессалоники в отличие от «монашеских зилотов», но подчеркивая, что это название в обоих случаях означает прежде всего только радикализм и фанатизм этих «ревнителей»), — изгнали в 1342 г. приверженцев Кантакузина из Фессалоники и основали радикальный режим, который осуществил экспроприацию крупной церковной и светской земельной собственности и тем самым справедливо вызвал к себе неприязнь православного клира. Тотчас же социально-революционные зилоты стали рассматриваться как ученики Варлаама и Акипдина (противники монашеской партии исихастов во главе с Григорием Паламой, — *И. М.*) и изображаться исихастами, а также монашеской партией зилотов как враги православия. Действительно, политические зилоты сочетали свою подрывную программу с пристрастием к императорскому дому Палеологов и к наследнику трона Иоанна V, что вытекало как из их легитимных чувств и традиций, так и из реально-политических побуждений. Палеологи были естественными союзниками всех противников их заклятого врага Кантакузина! Очевидно, политические зилоты признанием регентства в Константинополе искали и политической гарантии против возможной попытки реставрации партии Кантакузина в Фессалонике.³⁵

Компромиссную позицию в вопросе о характере восстания зилотов занимает Цирпанлис. Называя восстание «революционным движением», Цирпанлис считает, что оно «имело, возможно, определенную социальную программу и цель, но в то же время носило ясно выраженную политическую (читай: легитимную, — *И. М.*) окраску, ибо зилоты поддерживали права наследования Иоанна V Палеолога вопреки Кантакузину, да и потерпело неудачу восстание как раз из-за того, что зилоты пошли на политический союз с Иоанном V Палеологом, который в конце концов примирился с Кантакузином».³⁶

Подводя итоги этому краткому обзору точек зрения буржуазных авторов о роли народных масс в истории поздней Византии, следует, на наш взгляд, отметить следующее: сам по себе факт обращения буржуазной историографии к теме народа имеет положительное значение — выявляется и подвергается углубленному и детальному анализу весь фонд источников; нет также сомнения и в том, что в изложенных выше концепциях содержатся и ценные наблюдения, и заслуживающие проверки гипотезы.

³⁵ Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz—Wien—Köln, 1965, S. 286—287.

³⁶ Tsirpanlis C. Byzantine Parliaments. . . , p. 30.

тезы. Однако в целом теоретические и исторические посылки этих концепций, их методологические принципы вряд ли могут удовлетворить марксистского историка. Налицо, например, явный отрыв «конституционной» и политической истории от социальной, то есть от истории производственных отношений, общественных классов и классового антагонизма, проявившийся особенно при трактовке восстания зилотов. Так, например, Вайс проявляет удивительную изобретательность, когда вопреки прямым указаниям источников, которые он сам тут же цитирует (а их и помимо «Слова» Кавасилы достаточно), пытается представить это движение как не имеющее социального характера. С другой стороны, очевиден и «методологический инфантилизм» тех авторов, которые склонны видеть в восстании зилотов «социальную революцию», осуществленную народными массами под руководством мифической «партии революционеров», якобы имевшей в виду провести в жизнь последовательную программу социальных реформ. Обе эти тенденции имеют в своей основе непонимание характера общественных отношений эпохи, того факта, что условия проявления социальных антагонизмов непосредственно связаны с характером общественного строя, в данном случае феодального, и являются его порождением. Здесь проявилась неспособность буржуазных исследователей к четкому различению причины, повода и следствия такого общественного явления, как восстание зилотов. Представляется несомненным, что причиной выступления широких городских и крестьянских масс в период с 1341 г. явилось их глубокое недовольство политикой феодальной знати, поводом — феодальная междоусобица, вспыхнувшая в связи с вопросом о регентстве и претензиях на императорскую корону, и, наконец, следствием — столь губительная для дальнейших судеб империи окончательная победа знати и ее засилье во всех сферах общественной жизни. При этом не следует забывать, что интересы различных социальных слоев, втянутых в борьбу, оказывались нередко диаметрально противоположными.³⁷

Что касается «конституционного» участия народа в квази-представительных собраниях, созывавшихся по указке властей в тех или иных случаях, то об этом мы уже имели повод сказать более подробно в докладе на XIV Международном конгрессе по

³⁷ Очень хорошо показана роль фессалоникского плебса в событиях в статье В. А. Сметанина «Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне» (в кн.: Античная древность и средние века. Вып. 4. Свердловск, 1966, с. 114—116). Ряд интересных замечаний по вопросу о взаимоотношениях различных социальных групп в среде повстанцев (вожди, трудовое население города, плебе) содержится в упомянутой статье М. Я. Сюзюмова, в главе «Византия в период гражданской войны и движения зилотов», написанной Г. Г. Литавриным для III тома «Истории Византии» (М., 1967, с. 135—160), в работе Г. Л. Курбатова и В. И. Рутенбурга «Зилоты и чомпи» (Византийский временник, 1969, т. 30, с. 3—37) и др.

византиноведению в г. Бухаресте (сентябрь, 1971 г.).³⁸ Здесь стоит повторить, что речь, на наш взгляд, может идти лишь об иллюзии пародного представительства, о попытке придать деспотическому режиму видимость демократии. Особенности социально-экономического и конституционного развития Византии (незавершенность многих феодальных институтов, слабость ленных отношений, отсутствие четкой кристаллизации византийского общества в сословия) не дают оснований для вывода о перестройке политических основ византийского государства как государства уже сословно-представительного типа. Насколько можно судить по сохранившимся данным о поздневизантийских «ассамблеях», последние носили довольно случайный, эпизодический характер. Бросается в глаза, что император созывает население столицы или какого-то другого города, тогда как представительная ассамблея по идее должна была бы представлять не столицу, а страну, «землю». При этом представительная ассамблея предполагает созыв не населения вообще, не народа вообще, а организованный отбор делегатов, представителей основных сословий страны. Конечно, среди константинопольского демоса, или лаоса, собранного на Ипподроме по приказу императора, могли находиться представители всех слоев населения столицы. Присутствие сената и духовенства тоже было обязательным. Но все это еще далеко от воплощения идеи представительства. В этом смысле поздневизантийские ассамблеи очень мало отличаются от своего ранневизантийского прототипа — силентия — и целиком укладываются в рамки традиции, восходящей еще к античности, а также к той роли, которую наряду с сенатом играл «народ» (было бы вернее сказать «население столицы») в последние века Римской империи и которая выражалась в известной формуле «*Senatus populusque Romanus*». Поздневизантийские ассамблеи могли при определенных условиях стать основой, прообразом, источником сословно-представительного органа в Византии, по этому не произошло. Представительная ассамблея в масштабе Империи навсегда осталась чуждой публичному праву Византии.

Думается также, что немалую роль в этом процессе сыграл тот факт, что многие функции органа сословного представительства в Византии взяла на себя церковь, церковные соборы с их бесспорно представительным характером. Казалось бы, церковные соборы тоже должны были относиться к своего рода корпоративным собраниям, поскольку сама церковь являлась по существу самодовлеющим корпоративным организмом. Однако на практике церковь в силу своей особой роли в жизни средневекового, в данном случае византийского общества, в силу своей сложной организации, в основе которой лежал имепно представитель-

³⁸ Medvedev I. P. A propos de soi-disant assemblées représentatives à Byzance, en particulier au XIV siècle. — In: Actes du XIVe Congrès international des études byzantines. T. II. Bucarest, 1975, p. 211—216.

ный принцип, претендовала на то, чтобы юридически представлять волю страны. Известно, сколь широким было представительство на некоторых церковных соборах; решения же их, зафиксированные в каноническом праве, признававшиеся действующими сборниками законов равнозначными светским законам, имели всеобщее значение, особенно в такой сфере, как семейное право. Возможно, что эта сложившаяся практика — проводить политику, касающуюся масс, через церковь, во исполнение церковных канонов и в соответствии с церковными канонами, этот перенос функций светского представительства на церковное — также послужили причиной слабости светского представительства в Византии, которое в этих условиях не могло развиваться, не имея для этого собственных импульсов.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
<i>Вайнштейн О. Л.</i> Философия, история и социология	5
<i>Рутенбург В. И.</i> Проблемы классовой борьбы Средневековья в западной историографии	18
<i>Соболев Г. Л.</i> Кризис идеологии антикоммунизма и его отражение в американском советоведении	27
<i>Мионов Б. Н.</i> Некоторые схемы истории СССР в современной англо-американской буржуазной историографии	56
<i>Ганелин Р. Ш.</i> Американские буржуазные историки о ранних со- ветско-американских отношениях	87
<i>Шишкина И. М., Шишкин В. А.</i> Современная буржуазная ис- ториография о некоторых проблемах социально-экономического развития Советской России в первые годы НЭПа	104
<i>Олегина И. Н.</i> Проблемы индустриализации СССР в американском и английском советоведении	132
<i>Соловьев Ю. Б.</i> Буржуазная историография о направленности развития России в конце XIX—начале XX в.	159
<i>Ананьич Б. В.</i> Иностранное предпринимательство и промышлен- ное развитие России в конце XIX—начале XX в. (О книге Джона Маккея)	179
<i>Нардова В. А., Чернуха В. Г., Цамугали А. Н.</i> Русская об- щественно-политическая мысль XIX в. в освещении совре- менной американской историографии	196
<i>Фурсенко А. А.</i> Апология капиталистической системы США в но- вейшей буржуазной историографии	220
<i>Егоров Ю. В.</i> Народный фронт во Франции: значение и уроки. (Некоторые проблемы историографии)	234
<i>Медведев И. П.</i> Роль народных масс в истории поздней Визан- тии в освещении новейшей буржуазной историографии	254

**Критика новейшей
буржуазной историографии**

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. Г. Дагин*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Э. Н. Липпа, А. Х. Салтанова и Г. И. Суворова*

Сдано в набор 30/VIII 1976 г. Подписано к печати
22/XII 1976 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1.
Печ. л. 16³/₄=16,75 усл. печ. л.
Уч.-изд. л. 19,34. Изд. № 6243. Тип. зак. № 1489.
М-28430. Тираж 3350. Цена 1 р. 46 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1
1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12